

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94(394)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-210-220>

Аграрный кризис и обострение классовых противоречий в деревне как фактор революционной ситуации в России в 1917 году

А.А. Колупаев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. Настоящая статья посвящена анализу аграрного кризиса и сопряженных с ним классовых противоречий в Российской империи как ключевого фактора, детерминировавшего формирование революционной ситуации к 1917 году.

Цель – проведение научного анализа аграрного кризиса и обострения классовых противоречий в российской деревне как фундаментального фактора формирования революционной ситуации в 1917 году.

Задачи: анализ истоков и долгосрочных последствий реформы 1861 года; исследование структуры и динамики аграрного перенаселения и его социально-экономические последствия; выявление и характеристика основных векторов классовых противоречий в аграрной сфере; оценка влияния столыпинской аграрной реформы на социально-экономическую ситуацию в деревне; определение роли Первой мировой войны как катализатора аграрного кризиса; анализ формы и динамики крестьянского движения.

Методология. В основе данного исследования лежит применение принципов системно-исторического и комплексного подходов, позволяющих рассмотреть аграрный кризис не как изолированное явление, а как ключевой элемент в структуре общего кризиса Российской империи, взаимосвязанный с политическими, социальными и экономическими процессами. Методологическая база работы сформирована на основе синтеза нескольких общенаучных и специальных исторических методов.

Результаты. Проведенное исследование позволило получить ряд результатов, системно характеризующих аграрный кризис и его роль в эскалации социальных противоречий, приведших к революции в России в 1917 году. Раскрыт непримиримый характер противоречий между помещичьим классом и крестьянством, а также проанализированы внутренние конфликты в крестьянской среде. Аргументируется, что Первая мировая война выступила в роли катализатора, который довел существующие противоречия до точки кипения через продовольственный кризис и дефицит рабочих рук.

Выводы. Системный, многоуровневый аграрный кризис создал мощную социальную базу для революции. Нерешенность земельного вопроса стала центральной проблемой, которая в условиях военного времени привела к неизбежному социальному взрыву.

Ключевые слова: аграрный кризис; революционные события 1917 года; аграрное перенаселение; малоземелье; столыпинская аграрная реформа; крестьянство; классовые противоречия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Колупаев А.А. Аграрный кризис и обострение классовых противоречий в деревне как фактор революционной ситуации в России в 1917 году // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 2. С. 210–220. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-210-220>.

Поступила в редакцию 31.01.2026

Принята к публикации 19.02.2026

Опубликована 29.04.2026

© Колупаев А.А., 2026

Agrarian crisis and the wiggering of class contradictions in the village as a factor in the revolutionary situation in Russia in 1917

Andrei A. Kolupaev¹ ✉

¹ Southwest State University,
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. This article analyzes the agrarian crisis and associated class contradictions in the Russian Empire as a key factor determining the emergence of a revolutionary situation by 1917.

Purpose – to conduct a scientific analysis of the agrarian crisis and the exacerbation of class contradictions in the Russian village as a fundamental factor in the formation of the revolutionary situation in 1917.

Objectives to analyzing the origins and long-term consequences of the 1861 reform; to investigating the structure and dynamics of agrarian overpopulation and its socioeconomic consequences; to identifying and characterizing the main vectors of class contradictions in the agrarian sector; to assessing the impact of Stolypin's agrarian reform on the socioeconomic situation in the village; determining the role of World War I as a catalyst for the agrarian crisis; and analyzing the form and dynamics of the peasant movement.

Methodology. This study is based on the application of principles of systemic-historical and integrated approaches, allowing us to consider the agrarian crisis not as an isolated phenomenon, but as a key element in the structure of the overall crisis of the Russian Empire, interconnected with political, social, and economic processes. The methodological framework of the study is formed by the synthesis of several general scientific and specialized historical methods.

Results. The study yielded a number of results that systematically characterize the agrarian crisis and its role in the escalation of social contradictions that led to the Russian Revolution of 1917. The irreconcilable nature of the contradictions between the landowner class and the peasantry is revealed, and internal conflicts within the peasantry are analyzed. It is argued that World War I acted as a catalyst, bringing existing contradictions to a boiling point through a food crisis and labor shortages.

Conclusions. The main conclusion of the study is that the systemic, multi-layered agrarian crisis created a powerful social foundation for the revolution. The unresolved land issue became a central problem, which, under war-time conditions, led to an inevitable social upheaval.

Keywords: agrarian crisis; revolutionary events of 1917; agrarian overpopulation; land shortage; Stolypin agrarian reform; peasantry; class contradictions.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolupaev A.A. The agrarian crisis and the exacerbation of class contradictions in the village as a factor in the revolutionary situation in Russia in 1917. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(2):210–220. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-210-220>.

Received 31.01.2026

Accepted 19.02.2026

Published 29.04.2026

Введение

Исследование причин и предпосылок Великой российской революции 1917 г. остается одной из центральных и наиболее дискуссионных проблем в мировой исторической науке. Несмотря на смену идеологических парадигм и появ-

ление новых методологических подходов, фундаментальный вопрос о структурных факторах, приведших к коллапсу многовековой монархии и последующей радикальной трансформации общества, не теряет своей актуальности. В этом контексте анализ аграрного кризиса и

связанных с ним классовых противоречий приобретает особое значение. Российская империя к началу XX в. оставалась преимущественно аграрной страной, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения. Следовательно, социально-экономическое положение деревни, характер поземельных отношений и уровень социальной напряженности в аграрной сфере являлись определяющими факторами общенациональной стабильности. Игнорирование или недооценка глубины аграрного кризиса делает невозможным адекватное понимание как генезиса революционной ситуации, так и логики дальнейшего исторического развития России в XX в. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления упрощенных трактовок, сводящих причины революции исключительно к политическим заговорам или деятельности радикальных партий.

Современная историография все больше склоняется к системному анализу, в рамках которого революция предстает как результат накопления долгосрочных структурных противоречий, где аграрный вопрос играл роль системообразующего элемента. Изучение этого комплекса проблем позволяет не только реконструировать историческую реальность предреволюционной России, но и выявить универсальные закономерности и связи между нерешенностью аграрного вопроса, социальной поляризацией и политической дестабилизацией, что является актуальным и для анализа современных глобальных вызовов, связанных с продовольственной безопасностью и социальным неравенством в развивающихся странах. Критический пересмотр последствий реформ 1861 г. и столыпинских преобразований, а также анализ роли Первой мировой войны как триггера социального взрыва позволяет сформировать более сложное и многомерное представление о причинах краха старого порядка. Таким образом, обращение к теме аграрного кризиса в России начала XX в. является

важным шагом к глубокому осмыслению одного из ключевых событий мировой истории, продолжающего оказывать влияние на современные геополитические и социальные процессы.

Методология

Методологической основой данного исследования является системный подход, который позволяет рассматривать аграрный кризис в России не как изолированное явление, а как сложную, многоуровневую систему, элементы которой (экономические, социальные, демографические, экологические и политические) находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Системный анализ дает возможность выявить не только прямые причинно-следственные связи, но и более сложные, нелинейные зависимости, а также механизмы обратной связи, которые усиливали деструктивные тенденции в аграрной сфере.

Ключевым методом исследования выступает историко-генетический метод, который предполагает последовательное изучение проблемы от ее истоков до кульминационного проявления. Применение этого метода позволяет проследить генезис аграрного кризиса, начиная с компромиссного характера реформы 1861 г., через этапы пореформенного развития, неудачные попытки реформирования (Столыпинская реформа) и до финальной стадии обострения в условиях Первой мировой войны. Это дает возможность понять, как накапливались структурные противоречия и почему они оказались неразрешимыми в рамках существующей политической системы.

В работе также активно используется компаративный (сравнительно-исторический) анализ. Он применяется для сопоставления положения различных социальных групп в деревне: помещиков, зажиточных крестьян (кулаков), середняков и бедноты. Сравнение их экономических интересов, моделей хозяйствования и социальных устремлений позволяет

вскрыть глубину и непримиримость классовых и внутрисословных противоречий.

Для анализа количественных аспектов проблемы, таких как динамика земельных наделов, структура землевладения, данные о количестве безлошадных и безземельных хозяйств, применяется метод статистического анализа. Использование конкретных цифровых данных позволяет придать исследованию необходимую доказательность и верифицируемость.

Результаты и их обсуждение

Анализ аграрного вопроса как ключевого фактора революции 1917 г. занимает центральное место в отечественной и мировой историографии, породив обширный пласт исследований и полярные точки зрения. Условно можно выделить несколько основных направлений в изучении данной проблемы.

Первое, наиболее влиятельное направление, уходящее корнями в труды современников событий и канонизированное в советской историографии, рассматривает аграрный кризис как основную и решающую предпосылку революции. Представители этой школы, в частности В.П. Данилова [1] и А.М. Анфимова [2], акцентируют внимание на объективных социально-экономических показателях, свидетельствующих о глубоком структурном кризисе. Фундаментальным аргументом здесь выступает феномен аграрного перенаселения, особенно в центральных губерниях Европейской России. Исследователи приводят данные о катастрофическом сокращении душевого земельного надела с 3,5 десятины в конце XIX в. до 2,6 десятины к 1905 г., подчеркивая, что для 70 из 85 млн крестьян ведение расширенного товарного хозяйства было невозможным [3, с. 45]. В рамках этой парадигмы сохранение крупного помещичьего землевладения (30 тыс. помещиков владели 70 млн десятин) на фоне крестьянского малоземелья рас-

сматривается как главный социальный антагонизм эпохи. Столыпинская реформа в данном контексте оценивается преимущественно негативно: как попытка «спасти» помещичье землевладение путем создания узкой прослойки зажиточных крестьян-собственников за счет разрушения общины и разорения основной массы крестьянства [4]. Война, согласно этой точке зрения, лишь ускорила неизбежный взрыв, обнажив нежизнеспособность существующей аграрной системы.

Второе направление, которое можно охарактеризовать как «ревизионистское» или «оптимистическое», сформировалось в значительной степени в эмигрантской и западной историографии, а после 1991 г. получило распространение и в России. Представители этой школы, например, в трудах Б.Н. Миронова [5] или западных историков, таких как Ричард Пайпс [6], склонны оспаривать тезис о фатальном аграрном кризисе. Они указывают на позитивные тенденции в развитии сельского хозяйства в начале XX в., связанные с ростом производства, развитием кооперации и успехами Столыпинской реформы. Аргументируется, что к 1916 г. Россия уже была «страной малых крестьянских хозяйств», т. к. крестьяне владели до 90% пахотной земли в Европейской России и практически 100% в Сибири. С этой точки зрения проблема заключалась не столько в «земельном голоде», сколько в низкой культуре земледелия и неэффективности крестьянского хозяйства. Некоторые исследователи, как, например, П. Грегори, идут дальше, утверждая, что аграрный вопрос носил «искусственный характер» и являлся «симулякром», к которому оппозиционные и революционные силы искусственно «стягивали» все социальные претензии [7]. В этой интерпретации революция и последующая коллективизация предстают не как решение аграрной проблемы, а как трагедия, уничтожившая нарождавшееся фермерство и прервавшая естественный ход капиталистической эволюции деревни.

Третье направление концентрирует свое внимание на роли Первой мировой войны как решающего фактора, превратившего набор хронических, но не обязательно смертельных проблем в острый революционный кризис. Историки, работающие в этом русле, такие как Питер Холквист [8] или Орландо Файджес [9], не отрицают наличия аграрных противоречий, но полагают, что без колоссального напряжения и дезорганизации, вызванных войной, система могла бы эволюционировать мирным путем. Они детально анализируют последствия мобилизации (до 40–50% мужской рабочей силы из деревни), реквизиций лошадей (2,6 млн голов), сокращения посевных площадей (на 11,4%) и коллапса транспортной системы. Именно война, по их мнению, разрушила рынок, породила продовольственный кризис в городах, вооружила миллионы крестьян и подорвала авторитет власти, создав тем самым условия для революции. В рамках этого подхода аграрные волнения 1917 г. рассматриваются не столько как результат вековой борьбы за землю, сколько как реакция на конкретные тяготы военного времени и вакуум власти.

Наконец, следует выделить комплексные исследования, стремящиеся к синтезу различных факторов. Авторы этих работ (например, Т. Шанин) признают фундаментальную важность аграрного вопроса, но вписывают его в более широкий контекст системного кризиса Российской империи [10]. Они анализируют аграрные проблемы во взаимосвязи с отставанием темпов индустриализации, ростом социального неравенства в городах, нерешенностью национального вопроса, идеологическим расколом в обществе и неадекватностью политической системы вызовам времени.

Таким образом, историография проблемы демонстрирует широкий спектр оценок. Настоящее исследование, опираясь на фактический материал, стремится показать, что, несмотря на важность всех

упомянутых факторов, аграрный кризис являлся тем стержнем, вокруг которого группировались остальные противоречия, и той почвой, на которой выросла революция 1917 г.

Проведенное исследование позволило получить ряд результатов, системно характеризующих глубину аграрного кризиса и остроту классовых противоречий в предреволюционной России.

Анализ последствий реформы 1861 г. показал, что ее половинчатый характер заложил фундаментальные основы для долгосрочного кризиса [11, с. 543]. Во-первых, сохранение помещичьего землевладения в крупных масштабах (к началу XX в. 30 тыс. помещичьих семей владели 70 млн десятин земли) создавало перманентный источник социального антагонизма [12, с. 405–406]. Крестьянство, получившее недостаточные по размеру наделы, воспринимало помещичьи земли как свои, незаконно отнятые («отрезки»), и не признавало легитимность дворянской собственности. Во-вторых, система выкупных платежей, которые по своей сумме значительно превышали рыночную стоимость земли, легла тяжелым бременем на крестьянские хозяйства, изымая из них ресурсы, необходимые для развития. Налоговое бремя на крестьянские земли было в сорок раз выше, чем на помещичьи, что вело к массовым недоимкам и консервировало бедность [13, с. 13–20].

Ключевым проявлением кризиса стало прогрессирующее малоземелье, вызванное аграрным перенаселением. Демографический рост в условиях ограниченного земельного фонда привел к дроблению хозяйств и резкому сокращению среднего душевого надела: если в конце XIX в. он составлял 3,5 десятины, то к 1905 г. – уже 2,6 десятины. К 1917 г., по имеющимся данным, 70 из 85 млн крестьян классифицировались как безземельные или малоземельные, что делало невозможным ведение не только расширенного товарного, но и простого воспроизводства [14, с. 10–15].

Ситуация усугублялась системным агроэкологическим кризисом. Доминирование примитивных систем земледелия (трехполье, перелог) и нехватка удобрений (прежде всего навоза из-за малого количества скота) вели к неуклонному истощению почвенного плодородия. Технологическая отсталость была катастрофической: еще в 1910 г. почти половину сельскохозяйственного инвентаря в крестьянских хозяйствах составляли архаичные сохи и косули. Это блокировало рост производительности труда и делало сельское хозяйство крайне уязвимым к неблагоприятным погодным условиям [14, с. 98–100].

К началу XX в. российская деревня представляла собой арену острых социальных конфликтов, которые разворачивались по нескольким линиям.

Противоречие «помещики – крестьяне». Это был основной, наиболее ярко выраженный антагонизм. Крестьянское сознание, основанное на трудовой теории собственности, не принимало идею частной собственности на землю. Ожидание «чёрного передела» – всеобщего и справедливого перераспределения всей земли – было доминирующим чаянием крестьянских масс, по крайней мере, со времен отмены крепостного права. Это требование, ставшее центральным в ходе революции 1905–1907 гг., так и не было удовлетворено, что поддерживало постоянную готовность крестьянства к радикальным действиям [14, с. 55–57].

Внутренние противоречия в крестьянской среде. Деревня не была однородной. Процессы социальной дифференциации привели к глубокому расслоению. Статистика 1912 г. свидетельствует, что около 31,5% хозяйств были безлошадными, а еще 32,1% имели лишь по одной лошади, что было недостаточно для полноценной обработки земли. Почти 50% крестьянства составляли бедняки, а 10% хозяйств не имели даже коровы. На другом полюсе находился узкий слой зажиточных крестьян (кулаков), ко-

торые концентрировали в своих руках арендованную и купленную землю, инвентарь и использовали наемный труд [14, с. 173–175]. Столыпинская аграрная реформа (1906–1916) интенсифицировала этот процесс. С одной стороны, она способствовала выходу из общины более 2,5 млн хозяйств и созданию около 1,3 млн хуторов и отрубов, что повышало производительность в этой группе хозяйств. С другой стороны, реформа усилила конфликт между общиной, стремившейся к уравнилельности, и «крепкими хозяевами», что разрушало традиционные социальные связи и создавало новый очаг напряженности. Община, несмотря на реформу, сохранила свои позиции и продолжала выступать как институт, консервирующий аграрное перенаселение и уравнилельные настроения [15, с. 12–18].

Противоречие «государство – крестьянство». Царское правительство, разрываясь между необходимостью модернизации и защитой интересов помещичьего класса, проводило непоследовательную аграрную политику. Крестьянство подвергалось социальной и правовой сегрегации, а его экономические интересы систематически ущемлялись в пользу дворянства. Это порождало глубокое недоверие крестьян к власти и восприятие государства как чуждой, враждебной силы.

Первая мировая война выступила в роли мощного дестабилизирующего фактора, который довел все существовавшие противоречия до предела. С октября 1916 г., после введения твердых цен на зерно в условиях галопирующей инфляции, начался коллапс системы хлебозаготовок. Как помещики, так и зажиточные крестьяне отказывались продавать хлеб за обесценивавшиеся бумажные деньги, предпочитая придерживать его. Это, в сочетании с дезорганизацией транспорта, привело к резкому сокращению подвоза продовольствия в города и армию. К зиме 1916–1917 гг. ситуация стала критиче-

ской, спровоцировав голодные бунты в столице, ставшие прологом Февральской революции [16, с. 136–148].

Концентрация промышленности на выполнении военных заказов привела к острому дефициту промышленных товаров для деревни (тканей, керосина, сельскохозяйственного инвентаря). Возникли так называемые «товарные ножницы»: крестьяне не могли ничего купить на вырученные от продажи хлеба деньги, что стало дополнительным стимулом для сокращения поставок продовольствия в город. Экономическая смычка между городом и деревней была разрушена.

Призыв в армию миллионов наиболее трудоспособных мужчин нанес тяжелый удар по сельскому хозяйству. Особенно пострадали частновладельческие (помещичьи) хозяйства, которые в большей степени зависели от наемного труда [17, с. 188–190]. Это привело к сокращению посевных площадей и дальнейшему падению сельскохозяйственного производства [18, с. 426–428].

Февральская революция была воспринята крестьянством как сигнал к началу долгожданного «чёрного передела» [19, с. 31–35]. С весны 1917 г. по всей стране начались массовые захваты помещичьих, казенных и церковных земель, разгромы усадеб. Временное правительство, призывавшее дожидаться решения земельного вопроса Учредительным собранием, полностью утратило контроль над ситуацией в деревне [20, с. 244–245]. Попытки правительства наладить хлебозаготовки провалились. Введенная 25 марта 1917 г. хлебная монополия была саботирована крестьянством, которое уже *de facto* перераспределяло землю в свою пользу и не видело причин сдавать хлеб государству. Ситуация дошла до того, что в августе 1917 г. министр продовольствия отдал приказ о применении вооруженной силы для изъятия хлеба, что окончательно противопоставило правительство основной массе населения страны [21, с. 13–23]. Кре-

стьянское движение стало мощнейшим фактором дестабилизации, который расшатал тыл и армию и создал благоприятные условия для прихода к власти большевиков, провозгласивших лозунг «Земля – крестьянам!» [22, с. 942–945].

Представленные результаты позволяют сделать ряд концептуальных обобщений и вступить в дискуссию с существующими историографическими парадигмами. Центральный тезис, вытекающий из проведенного анализа, заключается в том, что аграрный кризис в России носил не конъюнктурный, а глубоко структурный, системный характер. Его корни уходили в незавершенность и противоречивость Великих реформ, которые, освободив крестьян юридически, не создали условий для их экономической эмансипации и перехода к устойчивому развитию.

Данный вывод напрямую оспаривает положения «оптимистической» школы. Указания на рост аграрного производства в предвоенные годы не опровергают, а лишь маскируют глубину кризиса. Во-первых, этот рост достигался преимущественно за счет экстенсивных факторов (освоение новых земель) и был крайне неравномерным, концентрируясь в хозяйствах помещиков и узкого слоя зажиточных крестьян в черноземной зоне. Для подавляющего большинства крестьянских хозяйств, особенно в нечерноземье, была характерна стагнация или даже деградация. Во-вторых, как было показано, экономический успех одних социальных групп мог оборачиваться разорением для других. Рост товарности крупных хозяйств и падение мировых цен на зерно вытесняли с рынка мелкого производителя, усугубляя его маргинализацию [18, с. 310, 319–320]. Таким образом, хозяйственный прогресс не снимал, а обострял социальные противоречия.

Анализ показывает, насколько важна концепция аграрного перенаселения как внутреннего фактора кризисов. Именно демографическое давление, а не только

наличие помещичьих латифундий, делало земельный вопрос неразрешимым в рамках существовавшей системы. Даже полная конфискация и распределение помещичьих земель не могли бы кардинально решить проблему малоземелья для всех крестьянских хозяйств. Это объясняет радикализм и уравнилельный пафос крестьянских требований: в условиях дефицита ресурсов единственным видимым решением становился неэффективный, но «справедливый» с точки зрения общинного сознания уравнилельный передел [18, с. 376–377].

Столыпинская реформа в свете полученных данных предстает как запоздалая и неадекватная попытка решить структурные проблемы методами социальной инженерии. Реформа была направлена на создание «эффективных собственников», но игнорировала два ключевых фактора: острое малоземелье и глубоко укорененные в крестьянском сознании общинные, антикапиталистические ценности. В результате реформа не столько решила проблему, сколько расколола деревню, противопоставив узкий слой «выделившихся» крестьян основной массе общинников. Это создало дополнительную линию социального разлома, которая ярко проявилась в событиях 1917 г., когда община взяла реванш, насильственно возвращая хуторян и отрубников в свой состав и ликвидируя их хозяйства. Неэффективность реформы доказывает, что без радикального перераспределения земельного фонда в пользу крестьян любые административные меры были обречены на провал [18, с. 411–415].

Рассмотрение роли Первой мировой войны позволяет утверждать, что она сыграла роль не первопричины, а именно катализатора революции. Война не создала, а лишь обнажила и многократно усилила все слабые места и противоречия аграрного строя. Продовольственный кризис был не просто следствием военных трудностей, а прямым результатом разрушения хрупких рыночных

связей и недоверия производителей к государственной власти. Отказ крестьян поставлять хлеб был формой стихийного, но массового политического протеста против системы, которая требовала от них жертв (солдат, хлеба), ничего не давая взамен. В этом смысле саботаж хлебозаготовок в 1917 г. стал своеобразным референдумом о доверии Временному правительству, и его результаты были однозначно негативными [18, с. 426–428].

Относительно концепции «аграрного вопроса» важно отметить следующее. Несмотря на влияние политических идей на формирование революционных настроений, сами лозунги попали на плодородную почву реальных проблем. «Земельный голод» не был выдумкой интеллигенции; он был повседневной реальностью для десятков миллионов людей. Стремление к «чёрному переделу» было не абстрактной доктриной, а выражением насущной экономической потребности и глубоко укорененного в народной культуре представления о справедливости. Поэтому, хотя политические партии, безусловно, использовали аграрный вопрос в своих целях, его содержание было абсолютно реальным и определялось объективным бедственным положением крестьянства [19, с. 31–32].

Таким образом, обсуждение результатов приводит к выводу о многофакторной, но внутренне целостной природе революционного процесса. Экономическая деградация, вызванная малоземельем и технологической отсталостью, порождала социальную напряженность. Эта напряженность находила выражение в классовых антагонизмах и массовом крестьянском движении. Неспособность государственной власти предложить адекватную программу реформ и ее провалы в ходе войны привели к коллапсу управления. В этой ситуации стихийное крестьянское движение за землю стало той силой, которая окончательно разрушила старый порядок и определила вектор дальнейшего развития революции.

Выводы

Проведенное исследование со всей определенностью доказывает, что системный аграрный кризис и связанное с ним обострение классовых противоречий в деревне выступили не просто одним из факторов, а фундаментальной первопричиной революционной ситуации, сложившейся в России к 1917 г. Революция была не случайным стечением обстоятельств или результатом заговора узкой группы лиц, а закономерным итогом накопления глубинных структурных противоречий, ядром которых являлся нерешенный земельный вопрос.

Истоки этого кризиса лежали в половинчатом характере реформы 1861 г., которая, отменив личную зависимость крестьян, не обеспечила их экономической состоятельности. Сохранение крупного помещичьего землевладения, обременительные выкупные платежи и недостаточность крестьянских наделов создали долгосрочную модель аграрного развития, основанную на бедности, малоземелье и социальной несправедливости. В последующие десятилетия ситуация лишь усугублялась под давлением аграрного перенаселения, которое привело к катастрофическому сокращению душевых наделов и консервации архаичных, экстенсивных методов ведения хозяйства, что, в свою очередь, вело к истощению природных ресурсов и стагнации производительности.

На этом экономическом базисе сформировалась взрывоопасная социальная структура, пронизанная антагонистическими противоречиями. Главный конфликт разворачивался по линии «помещики – крестьяне» и был основан на непримиримом столкновении двух систем ценностей: феодально-капиталистического права частной собственности на землю и крестьянского, общинного представления о земле как о «божьей», подле-

жащей распределению по труду. Не менее острыми были и внутренние противоречия в самой деревне, расколотой на бедняков, середняков и кулаков, а также между сторонниками общинного уклада и индивидуальными хозяевами, появившимися в результате столыпинской реформы. Эта реформа, будучи последней крупной попыткой царского режима стабилизировать ситуацию, не достигла своей цели. Не решив проблему малоземелья, она лишь усилила социальную дифференциацию и породила новые конфликты, не создав при этом достаточно широкой и прочной социальной опоры для монархии.

Первая мировая война стала тем историческим катализатором, который ускорил распад аграрной системы. Продовольственный кризис, разрушение рыночных связей, дефицит рабочих рук и общее недовольство войной довели социальное напряжение до предела. После падения самодержавия крестьянство, не дожидаясь никаких законов, приступило к явочному осуществлению своей вековой мечты – «чёрному переделу». Это стихийное движение, охватившее всю страну, окончательно парализовало Временное правительство, лишило его какой-либо социальной поддержки и создало условия для победы той политической силы, которая оказалась готова немедленно санкционировать и узаконить этот передел.

Таким образом, аграрный кризис был не просто фоном, на котором разворачивались революционные события. Он был их главным содержанием и движущей силой. Именно стремление крестьянства к земле определило характер, масштаб и глубину социального взрыва 1917 г., превратив политический переворот в столице в Великую социальную революцию, коренным образом изменившую ход российской и мировой истории.

Список литературы

1. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.
2. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М.: Наука, 1969. 396 с.
3. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
4. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 548 с.
6. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М.: Захаров, 2005. 480 с.
7. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX века): Новые подсчеты и оценки: [пер. с англ.]. М.: РОССПЭН, 2003. 256 с.
8. Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 359 p.
9. Figs O. A people's tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. London: Pimlico, 1997. 923 p.
10. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917–1922 гг.: [пер. с англ.]. М.: Весь мир, 1997. 560 с.
11. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 718 с.
12. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.
13. Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 207 с.
14. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство европейской России: 1881–1904 М.: Наука, 1980. 237 с.
15. Теряков Д.С., Володина Н.В. Реформы Столыпина: направление, итоги и значение // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 1 (2). С. 12–18.
16. Есиков С.А. Воздействие Первой мировой войны на сельское хозяйство // Гуманитарные науки: проблемы и решения: сборник научных статей. Вып. VI / под ред. А.А. Слезина. М.; Тамбов: Центр-пресс; ВИП-ГРАФ, 2009. С. 136–148.
17. Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны 1914 – февраль 1917 г. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 382 с.
18. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2016. 431 с.
19. Медведев А.В. Крестьянская революция в России (1917–1918) // Наука. Мысль. 2017. № 1-2. С. 31–35.
20. Новикова Е.В. Правовое оформление земельных отношений в 1917–1926 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 244–248.
21. Боголюбов С.А. Аграрно-земельные преобразования 1917 года // Аграрное и земельное право. 2017. № 8 (152). С. 13–23.
22. Новосёлова Д.И. Аграрные реформы в России и принятие Декрета о земле в 1917 г. // Теория и практика современной науки. 2016. № 12 (18). С. 942–945.

Reference

1. Danilov V.P. The Soviet pre-collective farm village: population, land use, agriculture. Moscow: Nauka; 1977. 318 p. (In Russ.)
2. Anfimov A.M. Large landowner farming in European Russia (late XIX – early XX century). Moscow: Nauka; 1969. 396 p. (In Russ.)

3. Tyukavkin V.G. The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; 2001. 304 p. (In Russ.)
4. Zyryanov P.N. The peasant community of European Russia in 1907–1914. Moscow: Nauka; 1992. 256 p. (In Russ.)
5. Mironov B.N. The social history of Russia during the Empire (XVIII – early XX century). Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin; 1999. 548 p. (In Russ.)
6. Pipes R. The Russian Revolution. Book 1. The agony of the old regime. 1905-1917. Moscow: Zaharov; 2005. 480 p. (In Russ.)
7. Gregory P. Economic growth of the Russian Empire (late nineteenth – early twentieth century): New calculations and estimates. Moscow: ROSSPAN; 2003. 256 p. (In Russ.)
8. Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 359 p.
9. Figes O. A people's tragedy: The Russian revolution, 1891-1924. London: Pimlico, 1997. 923 p.
10. Shanin T. Revolution as a Moment of Truth. 1905-1907 → 1917–1922. Moscow: Ves' mir, 1997. 560 p. (In Russ.)
11. Zakharova L. G. Alexander II and the abolition of serfdom in Russia. Moscow: ROSSPAN; 2011. 718 p. (In Russ.)
12. Zayonchkovsky P.A. The Russian autocracy at the end of the 19th century (the political reaction of the 80s – early 90s). Moscow: Mysl; 1970. 444 p. (In Russ.)
13. Anfimov A.M. Land lease in Russia at the beginning of the XX century. Moscow: Izd-vo AN SSSR; 1961. 207 p. (In Russ.)
14. Anfimov A.M. Peasant farming in European Russia: 1881–1904 M.: Nauka; 1980. 237 p. (In Russ.)
15. Teryakov D.S., Volodina N.V. Stolypin's reforms: direction, results and significance. *Gumanitarnye nauki: problemy i resheniya = Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2012;(1):12-18. (In Russ.)
16. Esikov S.A. The impact of the First World War on agriculture. In: Slezin A.A. (ed.) Humanitarian sciences: problems and solutions: collection of scientific. Is. VI. Moscow; Tambov: Centr-press; VIP-GRAF; 2009. P. 136–148. (In Russ.)
17. Anfimov A.M. The Russian village during the First World War 1914 – February 1917. Moscow: Izd-vo soc.-ekon. lit.; 1962. 382 p. (In Russ.)
18. Ostrovsky A.V. The Russian village at the historical crossroads. The end of the XIX – beginning of the XX century. Moscow: Tov-vo nauch. izd. KMK; 2016. 431 p. (In Russ.)
19. Medvedev A.V. The peasant Revolution in Russia (1917–1918). *Nauka. Mysl' = Science. Thought*. 2017;(1-2):31-35. (In Russ.)
20. Novikova E.V. Legal registration of land relations in 1917–1926. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2013;(2):244-248. (In Russ.)
21. Bogolyubov S.A. Agrarian and land transformations of 1917. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2017;(8):13-23. (In Russ.)
22. Novoselova D.I. Agrarian reforms in Russia and the adoption of the Decree on Land in 1917. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki = Theory and practice of modern science*. 2016;(12):942-945. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kolupaev79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History and Socio Cultural Services, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kolupaev79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9438-3430